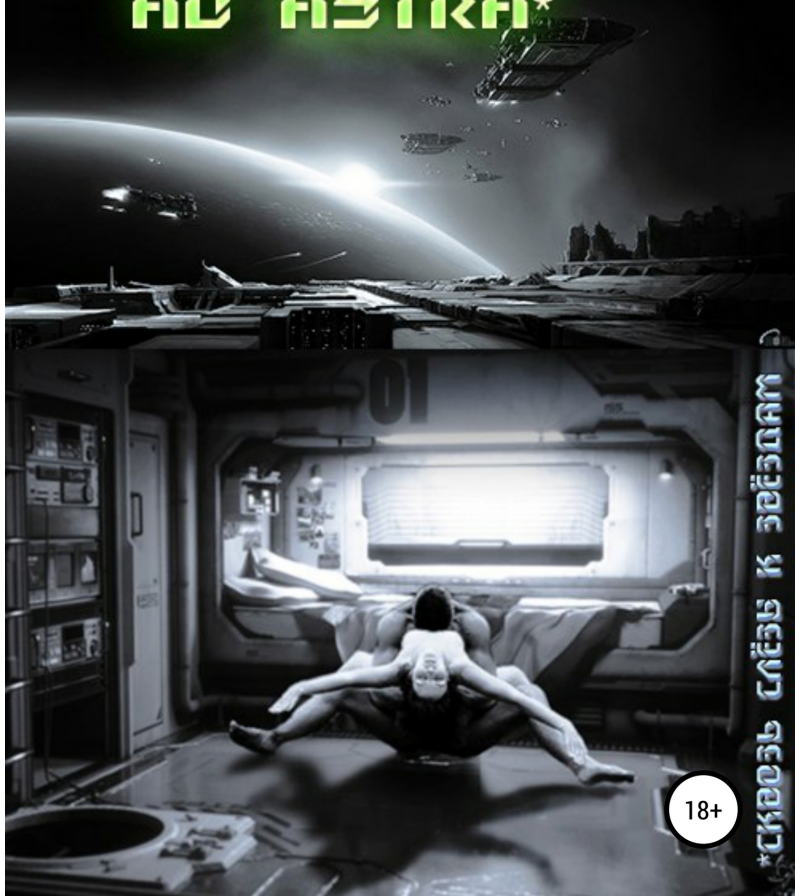

ТААУНА ЧЕРЕНУ

PER LACRIMAS AD ASTRA*

18+

УДРЕДБА ЗА ПОВЕЉА И ЗАШТИТА

Галина Череди́й

Сквозь слёзы к звездам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40647313

SelfPub; 2019

Аннотация

Время неумолимо. Время невозможно победить. Но может ли оно вылечить боль от предательства любимого человека? Пропасть разлуки. Бездна предательства. И только глаза любимого в глазах моих детей, его детей, лишь им можно верить. Они простят все. Или... Есть надежда? Ее глаза преследуют во сне. Голос вытаскивал из ада. Она не в моих руках – мой самый страшный кошмар. В нем живу долгие семнадцать лет. Лишь играя со смертью в прятки отключаюсь. И только мои глаза на лицах ее детей дарят надежду. В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта pixabay

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Эйсон бесшумно проскользнул в дверной проем, и перегородка плавно вернулась на место. Он крался по коридору, как нашкодивший кот, и напряженно прислушивался к голосам родителей, доносившимся из гостиной. Нужно было незаметно просочиться в свою комнату и не нарваться на них в пути. Нет, не то чтобы он и вправду боялся их гнева. В конце концов, ему уже шестнадцать, и послезавтра они с Зефирой улетают в АСТРА-академию и становятся двумя взрослыми и самостоятельными студентами.

Просто не хотелось омрачать последние часы дома, выслушивая лекции отца о безответственном поведении, когда он почует от него запах эля. И что еще хуже ловить на себе грустный взгляд мамы. Она и так была против того, чтобы они с Зефирой учились не на Земле. Все не хотела их отпускать, словно они два младенца, в самом-то деле! Мама есть мама – могла бы, вообще держала их рядом с собой до старости! Самое обидное, что они с отцом именно в академии и познакомились в свое время, и при этом она так расстроилась, когда им с сестрой пришел положительный ответ. Непонятно.

Эйсон не собирался сегодня так задерживаться с друзьями. Но кто же знал, что на эту прощальную вечеринку пожелует сама суперстар, Милка Волкова и решит обратиться

на него свой благосклонный взор. Раньше-то она его, типа, в упор не замечала. А теперь, когда стало известно, что они с сестрой официально зачислены в АСТРА-академию, он вдруг ей стал интересен.

Конечно, он не был одноклеточным и понимал, что это просто издержки неожиданно свалившейся популярности. Ведь в АСТРА-академию кого попало не брали. Одних знаний и интеллекта было недостаточно. Проводились еще и тщательные биометрические исследования и даже анализ ДНК на предмет наследственных заболеваний, и много всего. Так что, если их с сестрой отобрали, это означало только одно. Они лучшие. Во всех отношениях. Вот откуда такой внезапный интерес со стороны противоположного пола. Вокруг Зефирки и так до этого парни увивались – только успевай отгонять, а после новости так вообще проходу не стало. Но он на правах брата разогнал всех. Ну, почти всех. Был один особо упорный. И явно не лучший вариант из возможных. Нечего такому рядом с его сестрой делать. Таким, как он, только секс от девчонок и нужен. А шестнадцать – это еще слишком рано, чтобы начинать заниматься сексом.

Для девушки. Особенно его сестры.

А ему в самый раз. Вот поэтому Эйсон сейчас и крался в свою комнату под утро. Потому как секс оказался весьма захватывающим действием и совершенно отбивающим хоть какое-то чувство времени. Не то чтобы он не знал что-то о самом процессе до этого. Уж остаться в неведении что, как и

куда при таком обилии инфы в сети мог только полный идиот. А Эйсон вроде идиотом не был. И недостатком здорового любопытства не страдал. Понятно, родители ставили сетевые фильтры и ограничения, но кем бы он был, если бы не научился в два счета их обходить. Поэтому сегодня, оставшись, наконец, один на один с Милкой в роскошном глайдере ее отца, он «технически» точно знал, что делать. Единственное, чего не ожидал, это того, насколько острыми будут ощущения. Ведь просмотр «веселеньких» роликов и тесная «дружба» с главной подругой девственников – правой рукой и близко не могут подготовить к тому, как это чувствуется на самом деле.

Эйсон очень надеялся, что не облажался в глазах гораздо более опытной партнерши. Само собой, он не был и близко влюблен в Милку и знал ее послужной список, но не хотелось, чтобы, говоря о нем где-то, она смеялась. Хотя какая, на фиг, разница? Встречаться с ней снова он не собирался.

Конечно, он на прощание обещал ей звонить и писать, но оба понимали, что этому не бывать. Тем более что Эйсон был уверен, что уже завтра Милка будет утешаться с каким-нибудь подающим большие надежды спортсменом или сыном до неприличия богатеньких родителей. Но ему ведь наплевать. Его ждет АСТРА-академия, где наверняка полно будет красивых девчонок.

Эйсон замер у стены перед открытой дверью, откуда в темный коридор падал прямоугольник света, и, прислушиваясь

к разговору, решал, сможет ли он прошмыгнуть незаметно мимо. И чего это родителям не спится в такое время! Давно пора!

– Ты уверен, что ничего не всплывет? – голос мамы был встревоженным.

– Дорогая, не волнуйся, я все уладил. Все будет нормально.

– Но ты же знаешь, что тесты будут проводить снова, и довольно часто. Когда мы учились, это делали после каждого испытания, особенно связанного с воздействием радиации. Что, если все же всплывет правда? Ты представляешь, что дети почувствуют? Тем более они сейчас в таком трудном возрасте.

Судя по звукам, мама нервно ходила по комнате, а значит, проскочить пока не получится. Эйсон привалился плечом к стенной панели, идеально имитирующей натуральную древесину, которая сейчас на вес золота.

– Ирис, пожалуйста, перестань волноваться. Ты и так уже почти не спишь с того времени, как пришел ответ. Я же говорю тебе, что все утряс. У меня по-прежнему все руководство АСТРЫ в приятелях. Никто ничего не скажет детям, – уговаривал отец.

– Глупости. Ты же знаешь, что такое академия. Все равно найдется какой-нибудь придурок, который по незнанию или нарочно ляпнет что-то! Не считая самих учеников, которые так и норовят взломать систему и выудить о других секрет-

ную и личную инфу. Мы с тобой учились там. Разве забыл, что творилось? – не успокаивалась мама.

– Детка, – Эйсон поморщился. Странно слышать, когда отец называет маму «детка». – Не переживай на пустом месте. Со времени нашей учебы системы безопасности стали гораздо лучше.

– Я тебя умоляю! Эти юные хакеры тоже стали гораздо круче, и нет такой системы, которую нельзя взломать. Я ведь говорила тебе давным-давно, что нужно было детям правду рассказать. Но ты же настаивал на своем. Неужели ты думаешь, что если бы они с детства знали, что ты им не родной, то они относились бы к тебе по-другому? Ты их вырастил, ты единственный отец, которого они знают! Они бы не относились к тебе иначе, если бы знали правду!

Эйсону показалось, что пол под ним покачнулся. Что только что он слышал? Он что, хапнул слишком много эля? Желание добраться до собственной комнаты тут же пропало.

– Ты не можешь этого знать, дорогая. Я по сей день считаю, что мы поступили правильно. Зачем забивать головы детям ненужными размышлениями, – раздраженно ответил отец. – Зачем им вся эта бесполезная информация?

– Знать о своем родном отце – это не бесполезная информация! – повысила голос мама.

– Прости, Ирис! Я совсем не это хотел сказать! Просто, зачем детям лишняя боль? Если его все равно уже нет, то зачем им знать? – примирительно проговорил отец.

– Просто я не вынесу, если из-за того, что Зефира и Эйсон случайно узнают правду, они отвернутся от меня. От нас, – мама всхлипнула.

– Этого не случится, детка. Поверь.

Но мама, похоже, совсем расстроилась, и Эйсон услышал, как она заплакала, тихо, но горько. Отец начал шептать что-то успокаивающее, и парень понял, что сейчас им точно не до него, и метнулся в свою комнату.

Как только дверь отсекала его от коридора, Эйсон увидел сестру, сидящую в его сетевом блоке. Прозрачная пластиковая сфера, подвешенная к потолку, мягко светилась внутри, делая черты сестры призрачными. На ней был его визуальный обруч для полного погружения, и она быстро перемещала голографические изображения, едва шевеля пальцами в воздухе. Вот засранка, сколько раз ведь говорил, чтобы не шарилась в его закладках!

Эйсон резко выдохнул, и Зефира порывисто обернулась. Он смотрел на нее мрачно и пытался переварить то, что только что услышал. Сестра истолковала его тяжелый взгляд по-своему.

– Ой, да не пялся ты так! Не смотрела я твою порнушку! – фыркнула она, снимая обруч с головы и выпрыгивая наружу.

– Да смотри на здоровье! Тебе все равно ничего такого в ближайшие годы не светит! – машинально огрызнулся Эйсон.

– Да вот у тебя забыла спросить, Соник! Сам-то вон, небось, не книжки до такого времени читал! – насмешливо вздернула подбородок сестра.

– С чего это ты взяла? – слегка смутился Эйсон.

– У тебя футболка наизнанку и ширинка до конца не застегнута, придурок! – расплылась Зефира в гадкой улыбочке.

– Ну и что? Чем бы я ни занимался, мне уже можно. А тебе еще рано.

– Если ты забыл, кусок идиота, мы двойняшки! Так что возраст у нас одинаковый, гений! – она всегда мгновенно выходила из себя, когда Эйсон пытался вести себя покровительственно.

– Ну и что! Я парень, а ты девчонка. И тебе рано! И вообще, заткнись и послушай, что я тебе скажу. Только поклянись, что не разноеешься и не побежишь к маме за объяснениями.

– Как будто я так хоть когда-то делала, – презрительно фыркнула сестра.

– Ну, раньше я тебе и не говорил того, что хочу сказать прямо сейчас. Я реально, если честно, и сам чувствую себя по голове ударенным и даже не знаю, что и думать.

И Эйсон рассказал сестре все, что только что услышал. Под конец он почувствовал, как предательски дрогнул голос. Глаза у Зефиры стали огромными и совсем несчастными.

– Ты уверен, что ничего не перепутал? – тихо спросила

она.

– Абсолютно.

– Но тогда получается, что папа...

– Да, он не наш родной отец, – кивнул Эйсон.

– Но как же так, Соник? – голос сестры выдавал готовые сорваться слезы. – Кто тогда наш отец?

– А я откуда знаю?

– Но нам же нужно знать! – Зефира смотрела растерянно.

– Предлагаешь пойти и спросить прямо? – съязвил Эйсон.

– Нет, конечно, придурок! Но как-то же можно это узнать.

– Как додумаешься, так сразу мне сообщи, – почти грубо буркнул парень. – А сейчас выметайся из моей комнаты. Я хочу в душ и спать.

– Ой, да перестань ты, – и не подумала сдвинуться с места сестра. – Как будто ты и в правду сможешь уснуть, узнав такое.

– Знаешь, я, в отличие от тебя, весьма насыщенно провел последние несколько часов. А после такого, видишь ли, хочется растянуться на постели и отрубиться. Об остальном я могу и завтра подумать, – соврал Эйсон.

– Фу! Ты мерзкий! Я не хочу ничего знать о твоих похождениях! – скривилась сестра.

– А как будто я и в правду собирался тебя в них посвящать! Говорю, выметайся!

В действительности Эйсону сейчас нужно было пространство, чтобы пережить шок без посторонних глаз. Пусть даже

и сестры.

– Соник, а мама... она нам родная? – вдруг спросила Зефира дрогнувшим голосом.

– Ты что, совсем больная, Зефирка? Посмотри на нее и на себя в зеркало! Ну и дура же ты!

На самом деле уж по поводу родства с мамой ни у кого вопросов возникнуть не могло. Ведь они оба унаследовали от нее ее смугловатую, золотисто-оливковую кожу, которая как будто притягивала к маме до сих пор взгляды даже парней его возраста. И если у мамы и у Зефирки это выглядело просто потрясающе, заставляя мужчин все время задаваться вопросом, как будет ощущаться эта мерцающая гладкость под пальцами, то Эйсон чувствовал себя временами несчастным. Ему казалось, что этот оттенок кожи и ее безупречность делают его похожим на девчонку. Больше всего он мечтал, что покроет все свое тело разными лазерными татуировками.

А еще эти мамины глаза, что достались им с сестрой. Их необычный разрез ни с кем не перепутаешь. Только у мамы они точно жидкий, теплый темный шоколад. Эйсон частенько видел, как мужчины менялись в лице и начинали вести себя, прямо скажем, слегка по-другому, если ловили взгляд мамы, явно стараясь привлечь ее внимание. А у них с Зефирой глаза ярко-синие. Нет, сомнений в том, что мама им родная, у него не было.

– Сам такой! Сначала ошарашит на ночь глядя, а потом еще и обзывается! – возмутилась сестра.

– Так что, надо было тебе ничего не говорить? Скрыть, чтобы ты не ерзала теперь?

– Конечно нет! Просто... Это все так неожиданно.

Зефира поднялась и понуро поплелась к двери. Эйсон и сам сейчас чувствовал, словно внутри образовалась жгучая пустота. Знать, что тебе лгали всю жизнь? И кто? Самые близкие. Хотя, конечно, не то чтобы лгали. Просто не говорили. Нужно быть справедливым. Нужно, но пока не получалось. Может, позже, когда уляжется эта буря в голове. А пока только злость росла тем больше, чем дольше он об этом думал. Без сомнения, у родителей были причины поступить именно так, и они с Зефирой не младенчики уже, чтобы закатить из-за подобного открытия скандал или в корне изменить свое отношение. Но все равно, внутри у Эйсона сейчас бушевала, постепенно набирая обороты, настоящая буря. Кем был их биологический отец? И почему мама приняла решение не говорить им ничего?

– Я знаю, как нам это выяснить! – вскрикнула Зефира, и он аж подпрыгнул на месте.

– Ты что, чокнутая? Ты не свалила еще?! – зашипел на сестру парень.

– Нужно найти наши биометрические браслеты из роддома! – не обращая внимания на его злость, заявила Зефира. – Я знаю, что мама их хранит! Видела где-то! На браслетах должна быть инфа о том, кто наш биологический отец, его ДНК-отпечаток точно! Я знаю!

Эйсон нахмурился. Да это может сработать. На этих браслетах была полная медицинская информация и ДНК родителей в обязательном порядке. А если у них будет его отпечаток, то можно попробовать взломать систему и узнать имя.

– Ты у меня все же умница! – грустно улыбнулся он сестре.

– А то! Не то, что некоторые придурки, у которых кровь как от мозга отхлынула, так обратно и не вернулась пока!

– Ой, да много ты в этом понимаешь!

– Да больше, чем ты думаешь! – хитро ухмыльнулась сестра, устремляясь к выходу.

– Что-о-о-о? – Но сестра уже проскользнула за дверь, оставляя его гадать, что же она все же имела в виду.

Глава 2

Въедливый звук зуммера, оповещающего о входящем вызове, отвлек Финна от наблюдения за раздевающейся перед ним красивой женщиной.

– Не отвечай! – томно простонала она и посмотрела на него умоляющим взглядом.

– Извини, но это невозможно, Рина, – Финну, может, и хотелось скрыть безразличие в голосе к ее просьбе, но, судя по выражению лица партнерши, не особо удалось. А и хрен с этим.

Мужчина отвернулся и увидел входящий от Ингмара, специалиста по сетевой защите в Центре. Тут же нахмурившись, Финн моментально забыл о голой женщине прямо перед ним и, резко поднявшись, вышел из отсека.

– Проблемы? – резко спросил он, едва на экране появилось худое лицо друга и подчиненного.

– И тебе привет, Дагфинн. Спасибо, что спросил, как я поживаю! – оскалился Ингмар.

– Между прочим, это ты мне какого-то хрена в такое время звонишь. И отвлекаешь от одного весьма многообещающего представления, – сказав это, Финн едва сдержал недовольную гримасу. Встречи с Риной потеряли новизну, и пора было заканчивать этот фарс, пока девушка не придумала себе ничего ненужного.

– Ну, судя по твоему голому торсу, думаю, я и впрямь не вовремя. Ладно, отключусь, пока не возбудился от вида твоей мускулистой груди и миленьких сосков, – ухмыльнулся Ингмар, и демонстративно стал обмахиваться рукой, как будто его в жар кинуло.

– Кончай выделяться, Марик, детка, и говори, зачем позвонил, – в тон другу ответил Финн. – Я, в принципе, не слишком тороплюсь. И, кстати, в моих сосках вообще нет ничего милого! У меня настоящие brutальные соски!

– Иди ты, Дагфинн! Меня стошнит, если ты еще раз заговоришь о своих сосках!

– Ну, ты сам это начал! – победно усмехнулся Дагфинн.

– Ладно, кроме шуток. Дело в том, что час назад некий индивидуальный пользователь ввел в систему твои полные биометрические параметры и ДНК-отпечаток и произвел попытку взлома нашей базы с целью получить остальные данные о твоей личности.

Дагфинн моргнул в недоумении и уставился на друга.

– И? Ты, естественно, выяснил, кто это был?

– Обижаешь! Запрос был послан из домашней сети семьи Соколовских. И конкретно из личного сетевого блока некоего Эйсона Соколовского. О чем-нибудь говорит?

– Я сейчас к тебе приду, – и Дагфинн резко отключился.

Быстро вернувшись в свой отсек, Финн торопливо натянул свою рубашку.

– Финн? В чем дело? Ты уходишь? – растерянно спросила

девушка, которая вальяжно развалилась на его кровати.

– Да. И ты тоже. И больше не приходишь. Никогда, – Финн не просто говорил – отдавал приказы.

Девушка сначала замерла, но потом, взбесившись, обрушила на него поток брани и стала быстро собираться, поднимая разбросанные по полу вещи. Но Финн не слушал ее, уже полностью погруженный в свои мысли и неожиданные воспоминания.

Уже в дверях Рина, заплакав, попыталась повиснуть у него на шее.

– Финн, пожалуйста! – взмолилась она. – Я готова встречаться на любых условиях! Только не бросай меня! Не рывай наших отношений.

Финн удивленно посмотрел на бывшую любовницу. О чем, черт возьми, она говорит?

– Рина, детка, мы замечательно тр*хались пару недель, и было довольно здорово, но что навело тебя на мысль о том, что у нас какие-то, мать их, отношения? – ледяным голосом спросил Финн.

– Ты! Чертов ублюдок! – закричала девушка и попыталась вlepить ему пощечину.

Финн, не сходя с места, просто уклонился от пролетевшей руки. То еще открытие! Женщины за эти годы как только не называли его!

– Просто уходи! – безразлично сказал мужчина.

– Правду говорят, что ты жестокий и циничный сукин

сын!

– Как скажешь, милая. Поторопись! – ответил он, не меняя тона.

– Ну, ничего, Финн! – злобно зашипела Рина, уже выйдя за дверь. – Найдется и на такого, как ты, женщина, которая вырвет тебе сердце и спляшет на нем, пока ты будешь подыхать у ее ног от боли!

– Тут ты сильно ошибаешься, детка! Нельзя вырвать то, чего больше нет! Так что без шансов, милая! Желаю тебе удачи. Ты была весьма горяча.

– Пошел на хрен! – И Рина ушла, а Финн отправился к Ингмару.

– Все данные на этого Эйсона Соколовского, – жестко командовал Дагфинн, едва вошел в рабочий отсек Ингмара, от пола до потолка опутанный кабелями и оснащенный десятками одновременно работающих голографических экранов. Из-за этого казалось, что Ингмар – некое бестелесное создание, потому что, передвигаясь, он все время проходил через реалистичные картинки чужой жизни, которую отслеживал.

Ингмар удивленно поднял брови, но не стал спорить и расспрашивать друга и командира. Не сейчас, когда у Финна такое выражение лица, будто он готов устроить небольшую локальную войну.

– Эйсон Соколовский, 16 лет. Отец – Соколовский Федор Александрович, 40 лет, владелец компании «Кассиопея», занимающейся коммерческими межпланетными транспорт-

ными перевозками, мать – Ирис Соколовская, в девичестве Леонидос, 36 лет, технический директор и инструктор пилотов в одном лице в той же конторе. Так же у парня имеется сестра-двойняшка Зефира Соколовская...

– Твою мать! – прохрипел Финн, тяжело опершись о рабочий стол Ингмара.

– Что?

– Ничего! Продолжай! – отрывисто ответил побледневший Финн и скрипнул зубами, как от боли.

– Ты в порядке, командир? – нахмурился парень.

– Продолжай! – рявкнул Дагфинн.

– В общем, паренек и его сестра зачислены по результатам отбора в АСТРА-академию на первый курс. С высшим баллом, между прочим. Так что, возможно, будущие коллеги. Ну, что еще? В остальном, что называется, не был, не замечен, не привлекался. Парень – отличник, отзывы положительные, умен, уравновешен, абсолютно здоров. Могу копнуть, если хочешь, глубже.

– По какому поводу он запрашивал данные о моей личности, и откуда отпечаток моего ДНК?

– Сейчас гляну... Погоди... – Ингмар начал быстро перебирать в воздухе пальцами, сменяя одну страницу другой и вдруг замер. – Вот. Ведь. Хрень!

Финн подался вперед.

– Твой отпечаток и биометрические данные указаны в браслетах этих детишек.

– Каких таких браслетах? – Финн явно был на грани.

– Не тормози, командир. В браслетах из роддома шестнадцатилетней давности. Похоже, ты их биологический отец...
– Ингмар снял сетевой обруч и шокированно уставился на Финна. – Ты не говорил мне...

– Никому ни о чем ни слова. Это приказ! – отрывисто рыкнул Дагфинн и вылетел из рабочего отсека.

Финн неся по коридору к себе, и внутри все просто полыхало от гнева и старой боли, что лавовым потоком поднималась из бездонных глубин его души, где он ее похоронил. Но как она могла так поступить с ним? Ладно, выкинула его из своей жизни, не захотев ждать. Выдрала его сердце и выбросила, как ненужный мусор, не захотела выслушать его по возвращении, даже увидеться с ним наотрез отказалась. На все его письма, что он слал ей из изолятора карантина, ответила только раз.

«Оставь меня в покое. Я замужем и счастлива. Тебе больше нет места в моей жизни. Прощай». Его тогда едва смогли унять лошадиной дозой транквилизаторов, иначе ничто бы не остановило его от того, чтобы разгромить на хрен весь изолятор и угнать первый попавшийся корабль, чтобы полететь к ней и потребовать ответов. Они держали его в чертовой медикаментозной коме, больше месяца, приводя изредка в чувство, чтобы он мог постепенно привыкать к реальному положению вещей. И к моменту, когда он смог покинуть карантин, Дагфинн смирился. Раз он не нужен Ирис в ее но-

вой счастливой жизни, то так тому и быть. Прежний мужчина, до безумия влюбленный в ту, что не захотела ждать, умер, и родился новый. С тех пор он даже на Землю ни разу не летал. Зачем? Там его ничего не держало. У него был полный загадок космос. Он был его смыслом жизни и единственной страстью все эти годы. И Дагфинна это устраивало. До сих пор. Ровно до того момента, как он узнал о том, что у него есть дети.

Но как посмела Ирис скрыть от него то, что все эти годы они росли где-то на Земле? Его дети! И воспитывал их вместо него другой мужчина. Тот самый, который отнял ее. Бывший лучший и, пожалуй, единственный друг, ближе которого у Финна на свете не было. И этот самый подлый друг украл у него не только любимую, но, оказывается, и счастье быть отцом своим детям! Тем самым детям, что они с Ирис зачали, пока она принадлежала ему, пока она любила его. В один из тех моментов их умопомрачительной близости, когда Финн сам себе казался всемогущим и переполненным до краев любовью и невысказанным для человека счастьем. Тогда Ирис была его, только его, а он принадлежал ей почти без остатка.

Оставался только еще один кусок его души, который он отдал космосу. И этот кусок вырвал его из объятий единственной любимой женщины, толкая, как любого больного бескрайней Вселенной, в непознанные глубины.

А Ирис просто не захотела ждать. Выбрала другого. Того,

кто был все время рядом. И этому другому достались все прошедшие годы рядом с ней. Ее любовь, ее тепло, которые должны были принадлежать только ему, Финну. И даже его дети.

А Дагфинну достался космос. Бескрайний, неодолимо притягательный и прекрасный. И такой холодно безразличный, такой безмерно жестокий.

Финн взревел в тишине своего отсека и в бессильной ярости сжал кулаки. Кто ей дал право так поступить с ним? Даже если она посчитала, что он не подходит ей, ненадежен и недостаточно ее любит, зачем же лишать его права знать о детях? Хотя, видит Вселенная, как же он ее любил и желал! Яростно и до умопомрачения. Ее одну, всегда, с того момента, как встретил. Никого с такой безумной силой ни до нее, ни после.

Эта самая дикая любовь и отчаянное желание вернуться к ней дали ему силы цепляться за жизнь зубами на той проклятой планете. Он не мог умереть и не вернуться к ее глазам, что сжигали его каждый раз, когда встречались с его собственными. К ее телу, что притягивало его сильнее самой мощной во всей Вселенной гравитации. К ее запаху, в котором он тонул, не желая дышать ничем другим. Ее стонам, что были самой совершенной музыкой в его мире.

– Ма-а-арко-о-о! – хриплый от страсти голос Ирис катится по нему потоком жидкого пламени, заставляя отзываться и вибрировать каждую клетку его тела, отвечая на этот призыв.

Его руки скользят по мокрой от пота и такой восхитительной гладкой коже его женщины. Пальцы без остановки ласкают, дразнят, сжимают, причиняя легкую боль, и тут же, словно извиняясь, оглаживают, чутко лоя каждый крошечный отклик, каждую судорогу желания, что уже на грани боли. Его рот не целует – грабит, завоевывает, присваивая себе без остатка каждый вздох и сладкий стон. Потому что только ему и должно все это принадлежать каждую минуту времени.

Ирис извивается под ним, опьяняя каждым движением. Трется о его грудь своими твердыми сосками, и это заставляет его резко выдыхать. Его собственное желание в секунды достигает высшей точки кипения, хотя это уже не первый раз за сегодня. Но разве это имеет какое-то значение? Его тело всегда готово для Ирис, всегда жаждет ее до мучительной, тягучей боли. Он проникает пальцами в ее лоно, и они утопают в горячей влаге. От этого ощущения его прошивает разряд чистого вожделения, и он содрогается над ней в голодном спазме.

– Ты снова готова для меня. – Да, он хотел бы звучать

нежно, но из его горла непроизвольно рвется какой-то животный рык.

– Всегда, – выдыхает она, подаваясь навстречу его ласкающей руке.

Да, с его Ирис всегда так. Стоит только подумать о ней, и он твердый, как кусок титана. Стоит коснуться – и исчезает весь мир, а желание становится нестерпимым. Стоит почувствовать ее ответное вожеление – и готовность и похоть затмевают его разум, убивая все, кроме инстинктивного желания рваться внутрь ее тела, погружая себя все неистовей и ведя их обоих к разрывающему на части финалу.

Он входит в нее, сжав зубы и стараясь сохранить хоть какое-то подобие адекватности и пытаясь быть медленным и нежным. Да удачи ему! Его Ирис не собирается ему этого милосердно позволить. Она обвивает его руками и ногами и сама приподнимает бедра, резче подаваясь к нему навстречу.

– Больше, Марко! – шепчет она, как в бреду, целуя и облизывая его шею и подбородок. – Хочу больше тебя, любимый!

И он сходит с ума. Его тело больше не принадлежит ему. Оно просто инструмент для того, чтобы дать этой женщине все, что она хочет. Сгорает от любви к ней, принадлежит в каждом вздохе или жестком движении. Оно ее. Он ее.

Ирис стонет и отчаянно держится за него, встречая его движения, пока он долбит, как одержимый, в ее тесную сердцевину, желая выбить еще больше хриплых криков и всхлипов.

Он купается в ее наслаждении, тонет в нем и желает только больше и больше. И с каждым разом становится только голодней и ненасытней.

Любимая женщина напрягается в его руках, обращаясь жесткой дугой снаружи и неимоверно тесно сжимая его внутри. Она кричит, и этот сладостный звук посылает вниз по позвоночнику поток жидкого металла, который исторгает из него победный рык и, прокатившись пламенем по пояснице и бедрам, вырывается глубоко внутри тела Ирис, обжигая обоих.

***

Финн яростно захрипел, выныривая из этого наваждения. Какого черта с ним творится? Столько лет он жил, стараясь не помнить о той, что уничтожила его своим предательством. Разбила каждую долбаную кость в его теле, разорвала каждую мышцу, и он собирал себя из мелких кусочков, что она от него оставила.

Он справился и выкинул ее из головы, вытравил из своего тела другими женщинами. И вот теперь, стоило только опять просто услышать ее гребаное имя, и он стоит тут посреди своего отсека, обливаясь потом и дрожа, с таким стояком, что и не вспомнит, когда был тверже, и пульсирующей в такт сердцу дырой в груди размером с проклятый астероид!

Финн провел по лицу рукой, словно пытаясь окончательно

но стереть воспоминание об этой женщине. Что за на хрен! Один лишь короткий эпизод, которому он позволил вырваться на поверхность из той могилы в глубине души, где он их вроде надежно похоронил, и он просто снова разбит на части.

Что же это такое? Когда же он наконец начнет жить, а не выживать?

Может, пора встретиться с ней и сказать, какая же она вероломная тварь? Просто снова посмотреть в эти глаза, чтобы понять, что он не любит ее больше? И, черт возьми, потребовать ответы на все вопросы, в том числе и на тот, почему она исключила его из жизни его детей, будто он какой-то конченный ублюдок, и такого отца нужно стыдиться.

Дагфинн вызвал своего командира.

– Вечер добрый, Дагфинн. Какие-то проблемы? – нахмурился кэп Бисам.

Он был чуть старше самого Дагфинна, но его черные когда-то волосы были уже совершенно седыми. Он такой же, как и сам Дагфинн. Вечный одиночка, без близких и семьи, посвятивший всю свою жизнь разгадыванию бесконечных тайн космоса.

– Нет, кэп, никаких. Просто я хотел поставить вас в известность, что хочу взять отпуск.

Бровь командира резко вздернулась. Ну да, за все годы их совместной службы Дагфинн ни разу даже не заикался о подобном. Куда ему было ехать, собственно?

– Хм-м. Неожиданно, Финн. Могу я на правах твоего непосредственного командира спросить о причине?

– Это сугубо личное, – сухо ответил Финн.

– Вот как, – выражение лица кэпа стало задумчивым. – Может, и пора уже. Ладно, подавай прошение, я заверю. Сейчас у нас ничего срочного не намечается, но даже если что и случится, пора уже твоей команде продемонстрировать, что они и без тебя хоть на что-то годны. Сколько ты будешь с ними нянчиться.

– Я уверен в своих людях, кэп. Даже если я исчезну навсегда завтра, это никак не отразится на работе в целом.

– Ну, вот и проверим.

Кэп отключился, и Дагфинн пошел собираться.

Глава 3

Ирис, кусая губы, подлетала к офису. Она изо всех сил сдерживала слезы с того самого момента, как Эйсон и Зефира, помахав ей, со счастливыми лицами исчезли в посадочном портале корабля. Ее сердце разрывалось от разлуки с детьми и тревоги, а они шли вперед, полные радостных ожиданий. Еще бы – перед ними ведь открывалась абсолютно другая жизнь. Свободная и полная новых знаний и приключений. Кто в их возрасте не мечтает поступить в АСТРА-академию, всенепременно стать разведчиком глубокого космоса и обязательно открыть в одном из полетов нечто потрясающее, что впишет его имя в анналы истории изучения Вселенной навечно?

Уж она-то точно мечтала в свое время. Да что там говорить. Наверное, тоска по тому, что так и не случилось в ее жизни, по-прежнему сжимала сердце, когда она ночами смотрела на звезды.

Но судьба распорядилась по-другому. Та самая Вселенная, которой она с самого детства мечтала посвятить всю себя, отняла у нее все самое важное в жизни. Мечты о будущем и любимого. Хотя... На самом деле во всем только ее вина. Если бы она не стремилась так отчаянно привязать Марко к себе и к Земле, то и ее собственные мечты о дальних экспедициях могли бы стать реальностью, пусть и после его ис-

чезновения. Но ни один капитан в своем уме не взял бы в команду беременную незамужнюю девицу, которую бросил парень, с радостью сбежав от нее в глубокую разведку. А после рождения Эйсона и Зефиры и гибели Марко на той проклятой планете о космосе и вовсе не стоило и мечтать.

Одна, с двойняшками на руках, Ирис постигала науку выживания в этом огромном мире. Без надежды на то, что любимый однажды вернется к ней и их детям, без образования, без поддержки и достойной работы. В том возрасте, когда ее ровесники заканчивали академию и сдавали экзамены, предвкушая путешествия к звездам, она училась быть матерью-одиночкой.

Но ни тогда, ни сейчас она ни одной секунды не пожалела, что решилась забеременеть от Марко в столь юном возрасте. Ведь только знание о том, что в ней растет частица навсегда потерянного любимого, позволило ей выжить, когда пришло известие о гибели экспедиции. Она едва не рехнулась, не желая верить в то, что Марко больше никогда не прикоснется к ней, не обнимет, заставляя трепетать от первого же контакта, не поцелует, мгновенно вызывая хмельную сладкую волну, делающую ее покорной и страстно желающей всего, чего бы Марко от нее ни захотел. Она была готова для него всегда, каждую минуту времени. Принимать его, раскрываясь до предела. Ласкать, упиваясь каждой дрожью его нетерпения. Утолять его бесконечный голод по ней, сходя с ума от счастья, что именно на нее направлен этот его жадный и тре-

бующий всю ее без остатка взгляд.

О звезды, как же она тогда просила его отказаться от той миссии. Кричала, скандалила, умоляла, угрожала расставанием, если он полетит. Ирис словно чувствовала, что они прощаются навсегда, и была готова вцепиться в любимого зубами и ногтями и никуда не выпускать. Но даже тогда осознавала, что не сможет его остановить. Да, Марко, наверное, любил ее. Но космос был его истинной страстью, его неизлечимой болезнью, его призванием и мечтой. А она... Да, она что-то значила для него, но, видимо, недостаточно, потому что он ушел, разозлившись и закрыв за собой дверь отсека, со словами, что его это все достало.

А потом исчез.

Оставил ее совсем одну.

Погиб в этих бескрайних чужих далях.

Никогда больше не появился.

Но гораздо хуже этого было то, что Ирис думала, что даже если бы экспедиция не погибла, он, наверное, не стал бы к ней возвращаться. Ведь целую неделю до отлета он с остальными членами экипажа был на базе Центра, но ни разу не поговорил с ней. Ни звонка, ни сообщения, ни ответа на ее отчаянные письма. Ничего. И когда они еще были в зоне доступности для связи, он не захотел сказать ей ни единого слова. Видимо, уже тогда принял решение порвать с ней.

А потом она узнала, что все же забеременела в ту их последнюю ночь, но поговорить с кораблем уже было нельзя.

Да она и не стала бы. Хотела сказать ему по возвращении, чтобы смотреть в этот момент в его глаза и видеть, что он на самом деле испытывает. Потому что удерживать Марко насильно она не стала бы ни за что. Не смогла бы находиться с ним рядом и знать, что его привязывает к ней только чувство ответственности. Как бы ни хотелось Ирис впиться в него до боли, до крика, она не смогла бы смотреть в его полные только холодного терпения глаза. Не после того, как Марко позволил ей почувствовать себя самым прекрасным и любимым в этой жизни существом.

Рождение Эйсона и Зефиры стало для нее спасением, хоть и было причиной того, что ее выперли из АСТРА-академии, а родители практически отказались от нее. Они очень гордились тем, что дочь приняли в академию, и были просто убиты разочарованием, когда она вылетела. Да, конечно, они бы не бросили ее совсем и помогали бы, но у Ирис просто не достало бы сил каждый день смотреть в их осуждающие глаза. Она превратилась для них в нереализованную мечту, и выносить еще и это после потери Марко – это был уже перебор.

Ирис почувствовала, что от нее все отвернулись. Просто в один момент она осознала себя заключенной в каком-то вакууме. Ровесники и подруги были заняты совсем другими вещами. Им не были близки ни ее боль, ни переживания. У них впереди открывались блестящие перспективы, а она не спала по ночам и смертельно уставала, ухаживая за двойняшками одна.

И вот в один из таких дней, когда она уже была на грани срыва, и пришел Федя, лучший друг Марко, и поставил вопрос ребром.

На самом деле Федор постоянно был рядом. С момента их знакомства в ее первый день в академии Ирис привыкла, что Марко с Федором – друзья не разлей вода. Они были словно сиамские близнецы – никуда друг без друга. Два самых безбашенных красавчика и неугомонных повесы в АСТРА-академии. Они были вместе в любой проказе или рискованном задании, когда стали уже стажерами. Единственное время, когда они были поврозь – это когда Марко был с Ирис. И еще в ту проклятую экспедицию Марко улетел без Феди. Потому что его срочно перевели в другую команду.

С самого момента, как только Федор узнал о беременности Ирис, он опекал ее. А когда стало понятно, что Марко не вернется, он и вовсе покидал ее только для работы. Федор забирал ее из роддома, заботился обо всем необходимом, пока Ирис пребывала в прострации из-за потери. Он находился все время рядом, помогая и поддерживая. И когда Ирис достигла того предела и могла впасть в черное отчаянье, Федор пришел и предложил ей выйти за него замуж.

– Ирис, тебе нужна помощь. Не от случая к случаю, а постоянно. Детям нужен отец, они уже очень скоро начнут все понимать. У них должна быть полная семья, – сказал он, как только двойняшкам исполнилось по полгода. – Ты совсем молодая, Ирис. Тебе нужно заканчивать учебу. Тебе нужно

дальше жить. Марко уже не вернется. Ты должна осознать это и принять как истину.

– Но, Федечка, зачем тебе-то нас на себя взваливать? – тихо спросила Ирис. – Тебе свою семью нужно создавать, а не тянуть нас из чувства долга перед погибшим другом.

– Марко и ты и были моей семьей. Соник и Зефирка тоже мои. Я и так их воспринимаю как собственных детей, так что узаконивание ничего для меня не изменит.

– Федя, но ты ведь можешь влюбиться и захотеть создать настоящую семью, не фиктивную.

– Ириска, Ириска, ничего-то ты не понимаешь. Марко ведь был не единственным, кто влюбился в тебя, как дурак, – усмехнулся Соколовский и впервые посмотрел на Ирис так, что она увидела в его глазах чисто мужской интерес и еле сдерживаемое желание.

– Что ты...

– Перестань, ты ведь все видишь теперь, Ириска. Я люблю тебя. Только никогда не посмел бы сказать это или как-то показать, пока ты была с Марко. Он мой друг, и я бы ни за что не попытался даже встрять между вами. Ни за что. Но Марко больше нет. А ты и я есть. И есть Эйсон и Зефира. Так, может, ты дашь всем нам шанс. Мы можем стать семьей. Мы сумеем, если ты только захочешь попытаться. Пожалуйста, Ирис!

Ирис сидела пораженная. Как она не замечала раньше? Да очень просто. Марко всегда был для нее единственным.

– Федя, но я не люблю тебя как мужчину и не знаю, смогу ли...

– Спать со мной? – Ирис смущенно кивнула. – Поверь, я умею ждать. И умею быть ласковым и терпеливым. Просто дай мне возможность всегда быть рядом, позволь себе привыкнуть к мысли о том, что я в твоей постели, в твоей жизни. Остальное я сам сделаю. Только не отталкивай, и все у нас получится.

Ирис опустила голову и задумалась.

– Ириска, если ты переживаешь из-за того, что я могу однажды сгинуть где-то на задании, то я готов прямо завтра уволиться. Скажи «да», и уже завтра я подам рапорт на увольнение и стану просто бизнесменом, который каждый вечер возвращается домой к тебе и детям. Я буду рядом, когда бы только тебе ни понадобился. Я не пропущу первые шаги и слова Соника и Зефирки, их дни рождения и все те праздники, которые родители должны проводить вместе. Мы станем самой дружной семьей, только согласишься попробовать.

И она согласилась. Федя ни в чем не обманул и не разочаровал ее. Уже через пару дней он перевез их в новый дом, где было все необходимое для детей. Он заботился о двойняшках, как о собственных, и ни разу не дал ни единого повода усомниться в том, что он их любит. Именно Федор настоял на том, чтобы они с Ирис не рассказывали детям о Марко. И он сумел терпением и чуткостью сблизиться с Ирис.

Случилось это несколько месяцев спустя, после того, как отметили первый день рождения детей. Ирис сама потянулась к Федору в поисках тепла и утешения от воспоминаний, причиняющих боль. Мужчина был терпеливым, лаская ее тело нежно и неторопливо, боясь испугать. И лишь доведя ее до оргазма, он позволил высвободиться всей той неутолимой жажде, что так долго скрывал от нее. В какой-то момент это даже насторожило Ирис. Глаза Федора горели настолько неистовым торжеством обладания и победы в момент его финала, что внутри все дрогнуло от испуга.

Но вернувшиеся нежность и осторожность быстро стерли из памяти Ирис тот самый первый момент торжества Федора. Нет, конечно, даже закрыв глаза, Ирис бы не могла представить на месте Феди Марко, да и не стала бы делать этого, считая несправедливым. Федор никогда не мог зажечь в ее теле огонь той сокрушающей силы, который вспыхивал, стоило Марко коснуться Ирис лишь дыханием.

Но Марко больше не было. А они были. И Ирис научилась с этим жить. Не сразу, но научилась.

С тех пор прошло столько лет. И почти все в душе Ирис успокоилось. Улеглось и практически подернулось льдом забвения. Она спрятала воспоминания о руках и губах любимого, что помещали ее в другую реальность, когда он прикасался к ней. Ирис убедила себя похоронить как можно глубже память о вкусе его кожи и запахе. О словах, горячих и бесстыдных, что заставляли ее краснеть и задыхаться от смущения.

ния и возбуждения. О его движениях внутри ее тела, пронзающих всю ее сущность и доставляющих наслаждение такое острое, что ощущалось иногда настоящей болью. Она убедилась, что, даже останься Марко жив, их отношения не продлились бы долго. Такая безумная страсть, что была у них, должна была сжечь их и саму себя рано или поздно.

Но как бы там ни было, у нее навсегда осталась часть Марко, что принадлежала только ей. Два существа с его цветом глаз. И это было тем, что никогда и никто не смог бы отнять у Ирис.

Никто, кроме тех же самых проклятых звезд, что навсегда забрали их отца.

Когда пришел положительный ответ из АСТРА-академии, Ирис сначала просто взбесилась. Как Эйсон и Зефира посмели послать туда запросы, даже не спросив у нее? Она проплакала ночь напролет, пока внутренне не смирилась. Видимо, с генами не поспоришь. Их с Марко детей звал космос, и с этим, похоже, уже ничего не поделать. И сегодня она сама отвезла своих кровинушек в космопорт и смотрела, как они, помахав ей, ушли.

Ирис всхлипнула, сажая глайдер перед офисом. Посмотрев в зеркало, она вытерла глаза и подумала о том, как она выглядит. Ведь реалии нынешней жизни были таковы, что женщины в ее возрасте впервые рожали, а она только что проводила в академию своих взрослых детей. Продолжительность жизни заметно увеличилась благодаря открытиям

ученых, и 36 лет – это едва только расцвет. А как она, интересно, выглядит со стороны? За эти годы Ирис привыкла воспринимать себя как мать взрослых детей и мало задумывалась о собственной женской привлекательности. Но Федор настаивал на том, что, когда двойняшки улетят учиться, они должны попытаться родить еще малыша.

Ирис понимала, что так будет справедливо по отношению к мужу. Он столько лет отдал на воспитание детей Марко, что его желание иметь собственного ребенка вполне оправдано и заслужено. Она согласилась, но почему-то все внутри протестовало против такого решения. Словно родив от другого мужчины, она бы окончательно предала и перечеркнула память о Марко.

Ирис заставила себя встряхнуться и выбралась из глайдера. Ее ждет масса работы. Об остальном она подумает чуть позже, когда в душе все уляжется после отлета детей.

Глава 4

Дагфинн рассчитал все верно. Федор улетел час назад, и Ирис будет в офисе без него. Конечно, долго это не продлится, но для того, чтобы поговорить, не нужно так уж много времени.

Он проводил взглядом стройную фигурку Ирис, когда она выбралась из глайдера и вошла в офис. Его тело все накалилось просто от того, как сильно он сдерживал желание нагнать ее прямо на этой парковке и прижать к гладкому боку одной из воздушных машин. Впитаться в нее глазами, заключая в клетку своих рук, отрезая все пути к бегству. Его аж потряхивать стало от силы желания, что в нем вызвала только ее походка, за которой он наблюдал издали. Это покачивание бедер причиняло самую настоящую боль ему, как, впрочем, и любому живому мужчине.

Когда-то давно, в другой жизни, где он был веселым парнем Марко, эта походка Ирис была его соблазном и кошмаром. Он начинал действительно задыхаться от желания, стоило ему очутиться в толпе позади нее в коридорах академии, и он просто беленился от ревности, ловя вокруг такие же жадные взгляды других парней. Это был настоящий ад – открыть в себе первобытного собственника, особенно в стенах АСТРА-академии, где приветствовалась свобода во всем. В том числе и в выражении собственных желаний и потребно-

стей. Ведь они знали, что когда выпустятся, их частенько будут ждать долгие месяцы, а может и годы одиночества в ледяных просторах космоса. Так что, какой смысл ограничивать себя сейчас?

Как же Дагфинн злился на нее тогда за эту способность приковывать к себе внимание всех мужских особей вокруг, ничего конкретного для этого не делая.

Он вдруг вспомнил, как увидел ее впервые.

***

В тот день Федор потянул его в главный холл академии, где, озираясь, стояла толпа только что прилетевших первокурсников.

– Давай, шевелись, придурок, – подгонял его Федор. – А то всех хорошеньких расхватают и будем что останется подбирать.

Марко и сам знал, что стоит поторопиться. Эта негласная, но постоянная традиция, когда парни со старших курсов старались «застолбить» свои права ухаживать за первокурсницами существовала, наверное, столько же, сколько и сама академия.

Не то чтобы такое заявление прав в чем-то ограничивало самих девушек, но после этого незаметного действия никто не смел пытаться перейти дорогу счастливчику, пока его не отошлют, или пока он сам не решит закончить с этой девчонкой.

Конечно, все, кроме самих первокурсниц, были в курсе этих неписанных правил. Именно поэтому сейчас наверняка со всех сторон к главному холлу устремились похотливые самцы со старших курсов, как только стало известно, что корабль пристыковался к причалу АСТРА-академии. На самом деле они с Федором не нуждались во всех этих лишних движениях. И вопрос был вовсе не в сексе. Это было глупое мужское соревнование, демонстрация собственной состоятельности, и все это знали, но проигрывать никто не хотел.

Марко увидел Ирис сразу, как только вошел. Так, будто в толпе больше и не было других девчонок. Только она.

Девушка с совершенно потрясающей кожей, словно подсвеченной изнутри. Такой нежной и великолепной, что руки сами тянулись потрогать ее. А еще эта фигурка, обтянутая комбинезоном, которая каждым своим изгибом вызвала взрыв воображения такой силы, что это отзывалось острой болью в мужском теле.

Глаза Марко выхватили ее в толпе и уже не готовы больше были отпустить. И он двинул к ней, как чертов потерявший управление космический корабль, попавший под мощнейшую гравитацию черной дыры, сметающий все на своем пути.

– Эй, ты куда это на таких скоростях? Что, уже выбрал жертву? – смеясь, окликнул его Федор, но Марко несся вперед.

Девушка отвернулась, осматриваясь вокруг, и Марко уви-

дел, как к ней устремился Нолан Райес с третьего курса с похотливым огоньком в глазах. Но Марко послал ему яростный «даже, мать твою, не думай» взгляд и прибавил шагу. Соперник сузил глаза, давая понять, что не намерен отступать. Он рванул быстрее и уже схватился за ручку чемодана на колесиках девушки, как Марко достиг ее практически одним прыжком и нагло рванул к себе за талию. Девушка испуганно вскрикнула и по инерции, падая ему на грудь, выдернула ручку чемодана из наглой конечности Нолана.

– Отвали! – рыкнул Марко Нолану, сам даже еще не понимая, почему вдруг так завелся.

На самом деле им с Федором не особо приходилось заморачиваться по поводу женского внимания. Его всегда для них было в достатке и иногда чересчур.

– Ты совсем обнаглел, Дрэго? – тихо возмутился Нолан. – Это не по правилам!

– Поучи меня еще, салага! – огрызнулся Марко и сильнее притиснул девушку к себе.

– Да что вы себе позволяете? – возмутилась сама причина спора, выворачиваясь из цепкого захвата Марко.

Нолан едва успел открыть рот, но Марко тут же резко развернул красавицу к себе.

– О, это просто такой обычай, детка. Старшекурсники спешат поприветствовать вновь прибывших и помочь им быстрее сориентироваться и обжиться, – Марко выдал одну из своих убийственных улыбочек, которые заставляли де-

вушек впадать в ступор. – Позволь представиться. Я Марко Дрэго. Готов стать твоим очень личным проводником и наставником в непростой жизни АСТРА-академии.

Но тут его сегодняшняя добыча вдруг подняла глаза, и Марко понял, как он офигительно влип, едва только встретился с ней взглядом. Ее два темных омута, как теплый, темный шоколад, мягко поблескивая, затянули его в сладкую глубину. Марко буквально ощутил на своем языке этот неповторимый вкус и запах восхитительного лакомства. На мгновение он не то что как улыбаться – как дышать забыл. А девушка вздернула удивленно бровь и осмотрелась вокруг.

– Что-то я не вижу, чтобы в отношении парней тут про-
являли такое же рвение и желание помочь, как к девушкам. Это что, один из дурацких обычаев, типа самцовых соревнований: кто первый добежал, того и приз? – От звука ее голоса Марко ощутил такой прилив крови в паху, что ему оставалось только молиться, чтобы в этой толпе никто не решил бросить взгляд вниз, где все было ну слишком уж очевидно.

Что же, красавица не была наивной дурочкой. И Марко ничего не оставалось, как просто еще раз молча улыбнуться, надеясь на свою чисто физическую привлекательность. Но девушка только фыркнула и выдернула у него ручку чемодана.

– Парни, возможно, вы упустили из виду, что в академию отбирают не только за отменное здоровье, но и за достаточный уровень интеллекта. Причем касается это обоих полов.

Поэтому я как-то сама сумею найти дорогу в свой отсек, а вы в свои мужские дурацкие игры идите в другом месте поиграйте. Я ничьим трофеем быть не собираюсь! Я сюда учиться приехала, а не чей-то список побед пополнять. Так что отвалите!

И она, вздернув подбородок, зашагала по коридору, показывая своими восхитительными бедрами, а Марко с Ноланом, как, впрочем, и остальные, стояли и сглатывали слюну.

Как только девушка скрылась за поворотом, Нолан встал перед ним с угрожающим выражением лица.

– Она моя, Дрэго! Я не отступлюсь, – твердо заявил парень, выпрямляясь во весь свой немаленький рост.

– Да обломайся, Райес! Только попробуй сунуться к ней! – и Марко повысил голос: – И это всех касается! Кто сунется, реально руки с ногами переломаяю! Эта девочка моя!

И Марко, не обращая внимания на шокированные взгляды вокруг, пошел в тот же коридор, в котором скрылась его упрямая добыча.

– Эй, Марко, я не понял, это что сейчас там было? – догнал его Федор.

– Кто бы знал, – буркнул Марко и постарался перевести тему, потому как и сам недоумевал от собственной реакции. – А ты чего же сорвался? Что, ничего интересного не нашел?

– Да куда эти девчонки от нас денутся! А вот своего друга сбрендившим в одну минуту не каждый день увидишь. Не

пытаться соскочить с темы. Что там только что произошло?

– Что ты имеешь в виду? – невинно спросил Марко.

– Вот только передо мной не коси под придурка! Ты только что во всеуслышание застолбил эту крошку и даже угрожал всем, кто может попытаться ее перехватить. Вот я и хочу знать, кто ты и куда дел Марко Дрэго, долбаный пришелец?

– Что тут странного. Я ее хочу, – пожал плечами Марко.

– Ну, такое с тобой постоянно случается, но что-то я ни разу не видел, чтобы ты из-за этого на людей бросался.

– Я ни на кого не бросался!

– Спорим, у Райеса на это другое мнение.

– Пусть засунет свое мнение себе куда подальше. А к моей девочке не суется.

– Твоей девочке? Твоей? Марко, ты даже имени ее еще не знаешь! – выкатил глаза Федор.

– О, да, это такая потеря! – нахально ухмыльнулся Марко. – Это, без сомнения, может помешать мне заняться с ней сексом как можно быстрее!

– Марко Дрэго вернулся! Слава тебе, Вселенная, мудрая и бесконечная! – рассмеялся друг.

***

Дагфинн одернул себя, заставляя свой мозг вырваться из плена этих ядовито-сладких образов. Нельзя позволять себе этого. Он здесь не для того, чтобы предаваться воспомина-

ниям о тех временах, когда был беззаботен и счастлив, а впереди у него было все: мечты, карьера, любимая, дышавшая с ним одним воздухом. Он пришел сюда, чтобы потребовать свои ответы и наказать болью за боль, если это возможно.

Через несколько минут он уже входил в офис «Кассиопеи».

– Добрый день! – прошебетала милая девчушка, окидывая его заинтересованным взглядом. – Вас ждут?

Дагфинн ответил ей слегка плотоядным, нагловатым взглядом, который обычно безотказно действовал на женщин и заставлял их быстренько раздвигать перед ним ноги в любом месте. Прямо сейчас он не был в этом заинтересован, но привычка так вести себя оказалась сильнее.

– Меня всегда ждут, дорогуша! – ухмыльнулся он, видя, как вспыхнула девушка.

Хорошенькая, и он, пожалуй, поймел бы ее разок.

– Я Дагфинн Нерайо.

Администратор быстро посмотрела на висевший перед ней в воздухе полупрозрачный экран.

– Добро пожаловать, господин Нерайо. Госпожа Соколовская уже ждет вас, – и расплылась в довольно искренней улыбке. – Я провожу вас.

– Не стоит. Я прекрасно ориентируюсь в пространстве, милая.

И Дагфинн стремительно прошел по коридору. У него мало времени. Наверняка Федор уже в курсе его здесь появле-

ния и примчится с минуты на минуту, чтобы защитить свое ворованное сокровище. Только он все равно уже опоздал. Финн пришел сюда за ответами и обязательно получит их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.